

Талисман

Поздно вечером раздался телефонный звонок. Я взял трубку. Старческий мужской голос осведомился:

— Это квартира?.. — он назвал мою фамилию, имя и отчество. После утвердительного ответа незнакомец покашлял, извинился и пожелал подтверждения того, что именно я пишу о караимах и публикуюсь в одесских газетах. Получив такое заверение, он сказал: — У меня есть вещь, которая будет вам интересна. Она вообще интересна для любого культурного человека, но для вас особенно, потому что это караимская реликвия, реликвия моего рода, ибо я — караим. Больше ничего сейчас говорить не буду. Если вас мое сообщение заинтересовало, приходите. Мой адрес...

Боже мой! Как знаком мне этот переулок, исхоженный со своими сверстниками от Французского бульвара до Морской — Юнкерский, Лейтенантский, после войны — улица Вице-адмирала Азарова! И вот судьба возвращает меня спустя полвека в Отраду — страну моего детства...

Старый двухэтажный дом, который я отыскал на следующий день, выглядел неприветливо и жалко — один из тех домов, которые в наши дни неожиданно разваливаются. Такой же была и квартира, типичная "коммуналка" с длинным коридором, завешенным и заставленным старыми вещами. А вот комната старика составляла разительный контраст со всей мрачной окружающей обстановкой этого дома. Здесь царил идеальная чистота. Старинные резные шкаф, стол, кресло и стулья говорили о том, что это — малая часть некогда большого мебельного гарнитура. Хозяин усадил меня в кресло.

— Мое непременное условие, — начал он беседу, — ни мои имя и фамилию, ни адрес в ваших публикациях не упоминать. Я не люблю непрошенных гостей, да и "гости" могут быть нынче всякие.

Старик положил на стол правую руку.

— Посмотрите внимательно на мой перстень.

Это был массивный золотой перстень с восьмигранным плоским розовато-коричневым камнем. На блестящей поверхности камня я рассмотрел не то остатки замысловатого узора, не то надпись, буквы не русские, не латинские, скорее арабские или еврейские. И вдруг меня осенила мысль: я этот перстень где-то видел! Смотрю на старика и лихорадочно вспоминаю...

Он загадочно улыбается, молчит.

— Я где-то видел этот или такой же перстень, — неуверенно говорю ему. — Не помню, где.

Старик дает мне большую лупу. Вот теперь все прекрасно видно: камень — самоцвет, несомненно, сердолик — камень любви и счастья! Четырехгранная пластина с отсеченными углами, ее можно назвать и восьмигранником. Надпись, видимо, на древнееврейском. Под ней две маленькие перекрещивающиеся веточки. Но что таит надпись? Поднимаю глаза на хозяина, жду разъяснений, а мозг назойливо сверлит мысль: где я видел этот перстень?

Старик проникателен, все понял. Уверенно говорит:

— Нет, этот перстень вы нигде видеть не могли. Возможно, такой же, но где?

Продолжаю рассматривать сердолик, а хозяин что-то говорит... но я уже не слушаю, мучительно вспоминаю. И вдруг меня как током ударило — я вспомнил, где видел перстень! Неужели это тот самый? Я ни в коей мере не причисляю себя к пушкинистам, даже — любителям, но с некоторыми подробностями биографии поэта знаком, немало читал о нем. Мне известно, что перстень, подаренный ему графиней Воронцовой, Пушкин носил, не снимая, до конца жизни. Он был на руке поэта в минуту рокового выстрела на дуэли. Талисман, каковым считал Александр Сергеевич свой перстень, не сохранил жизнь великому стихотворцу, а "таинственные письма", "слова святые" на сердолике оказались надписью, удостоверяющей личность некоего сына праведника, о чем Пушкин так до конца жизни и не узнал. Мне также было известно, что перстень был подарен поэтом на смертном одре Жуковскому, тот передал его своему сыну, а затем перстень оказался у И. Тургенева. После смерти последнего Полина Виардо передала перстень музею Александровского лицея, откуда он был... украден. Украден!

Я метнул взгляд на старика. Он иронически улыбался и испытующе смотрел на меня.

— А-а... Вы уже вспомнили и обвинили меня? Напрасно, это другой перстень. А история его такова. Мне передал его отец, ему — его отец, мой дед, а деду — его отец. Я — шестое поколение, которое хранит эту фамильную реликвию. Мой пращур, живший в Чуфут-Кале, был богатым скотоводом. Он заказал местному ювелиру перстень, который использовал как печать для писем. Перстень передавался из поколения в поколение старшему сыну, который должен был постоянно носить его, как ношу теперь я.

— А что означает надпись на вашем перстне — молитву, заклинание, тайну?

— О нет! Лет тридцать назад мне перевел ее Саул Боровой, вы, может быть, знали его. Я думаю, что он был единственным в Одессе, кто знал древнееврейский язык — язык Ветхого Завета, который исповедуют караимы-турки.

Хозяин встал, взял из шкафа книгу, вынул оттуда блокнотный листок и прочитал: "Иуда, сын почтенного учителя Ноя. Память праведника будет благословенна".

— Надпись на пушкинском перстне такая же?

— Нет, — старик подвинул ко мне книгу, — прочитайте сами на 114-й странице.

Передо мной лежал альманах "Прометей" за 1975 год, десятый том, знакомое мне издание. Я прочитал: "Симха, сын почтенного рабби Иосифа, да будет благословенна его память".

— А теперь откройте сорок пятую страницу, — мой собеседник откинулся на спинку стула, он, видимо, желал насладиться впечатлением, которое должно было произвести на меня увиденное там.

Я увидел рисунок и оттиск перстня Пушкина Напряжение спало, мы улыбнулись друг другу и продолжили беседу.

Дома я отыскал в своем архиве выписки из журнала "Наука и религия" № 8 за 1993 год, в котором автор Л. Звягинцев опубликовал очень интересные исследования о сердоликах, и о "сердолике Пушкина" в частности. Там было о нем сказано, что "...стиль надписи, по мнению специалистов, указывает на крымско-караимское происхождение перстня", и даже обозначено место, где перстень был сделан ювелиром-караимом, — Чуфут-Кале. Несколько последних строк, хотя и знакомых мне, огорчили меня и на этот раз, они сбрасывали поэтическую пелену с печального и трогательного события в одесской жизни поэта: подобные перстни можно было купить у ювелиров или на базаре в Бахчисарае еще в 30-е годы нашего столетия.

Вот и вся история.

Мы подружились со стариком. Я бывал у него, и всякий раз он мне рассказывал что-нибудь новое и интересное о караимах, о своих предках, и показывал занимательные вещи. Но это уже другой рассказ.

В память об увиденном перстне у меня остались его оттиски на пластине и на бумаге.